

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
 » 2 мѣсяца. 3 »
 » 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
 по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
 Н. GEORG, Genève, rue de la
 Corratierie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщитъ и отверзетъ. II. — 2) Гр. Пегръ Шуваловъ и петербургская инквизиція. — 3) Справка изъ недавно прошедшаго: адресъ владимірскихъ дворянъ 1860 г. — 4) Письмо студента-ветеринара по поводу харьковскихъ студенческихъ волнений. — Post Scriptum редакціи. — 5) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, VI, 3. С. 6) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». II. Письма С. С. Громекъ къ А. И. Герцену. 1858—1861. — 7) Начало новаго соціально-политическаго движенія въ Венгріи, Slavus. — 8) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VIII. Союзы рабочихъ и соціалистическія фракціи, Н. Жебунска. — 9) Земская хроника. I. Работа и препятствія по народному образованію, О. В. — 10) Извѣстія и замѣтки: Самоубійство Макова.

ЖЕНЕВА, 15 марта 1883.

Прошлый разъ мы старались доказать фактами, что реформы начала царствованія Александра II были даны вовсе не по одной только доброй волѣ императора, а особенно его правительства, но были въ значительной степени результатомъ общественной агитаціи и положительныхъ требованій, обращенныхъ къ правительству. Приводимый ниже, какъ справка, адресъ дворянъ Владимірской губерніи, поданный въ 1860 г., служить, надѣмся, документальнымъ доказательствомъ къ сказанному нами.

Но, пробѣжавъ этотъ адресъ, а равно и другія подобныя ему заявленія того времени, читатель вынесетъ еще и другое заключеніе, — а именно, что правительство царя-реформатора не дало и половины того, что еще въ 1858—60 гг. считалось тогдашними далеко не крайними людьми за minimumъ политическихъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ административная реформа, основы которой начертаны въ Влад. адресѣ? гдѣ отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ? Гдѣ подсудность обывателя Россіи только гласному суду, а не разнымъ варіанціямъ III отдѣленія? гдѣ свободная печать? и т. д. и т. д. Сравнивая реформы, данныя правительствомъ Александра II, съ тѣмъ, что отъ него требовали даже дворянскія собранія въ 1858—1860 гг., мы видимъ, что правительство, т. е. царь и бюрократія, не только не дали всего нужнаго и желаннаго, но даже довольно ловко обошли общество, сдѣлавъ уступки по второстепеннымъ предметамъ, и въ то же время выигравъ въ главномъ, — въ сохраненіи и

даже развитіи своего самодержавія (второстепенно, самодержавія столько же царскаго, сколько и чиновническаго), при чемъ названнымъ самодержавіемъ удалось даже создать новыя преграды для развитія либеральной оппозиціи и на будущее время.

Это особенно слѣдуетъ сказать объ административной и земской реформахъ, какъ имѣющихъ наиболѣе политическаго характера. Преобразование уѣздной земской полиціи по наружности отняло у нея сословный дворянскій характеръ, но въ то же время вовсе устранило изъ нея выборное начало и земскій характеръ. Земскія учрежденія стали всесословными и получили постоянный исполнительный органъ, — управы, — но земскія собранія не только не получили должной независимости даже въ узкой сферѣ хозяйственной, — но по отношенію, напр., къ разсмотрѣнію смѣтъ земскихъ платежей и расходовъ, названныхъ государственными или обязательными, получили меньше правъ, чѣмъ имѣли ихъ прежнія собранія депутатовъ дворянскихъ и городскихъ, которымъ губернская власть должна была представлять на разсмотрѣніе всю роспись земскихъ сборовъ и расходовъ. — Правда, эта отчетность, равно какъ и соответственная отчетность по особымъ, чисто дворянскимъ сборамъ при Николаѣ I была только формальною и не могла не быть иномъ, при всѣхъ условіяхъ жизни того времени, — но когда общество пробудилось, то во многихъ губерніяхъ дворянскіе депутаты и собранія стали относиться къ своему праву на контроль употребленія земскихъ сборовъ серьезно*), и изъ этого отношенія могло выйти что либо болѣе широкое по компетенціи, чѣмъ земскія учрежденія по Положенію 1864 г. (Не трудно было бы доказать, что и старое городское Положеніе, при своей сословности, заключало въ себѣ зародыши лучшаго, чѣмъ узко-капиталистическое и ишолнѣ бюрократическое новое городское устройство 1870 г., еще болѣе далекое отъ дѣйствительнаго самоуправленія,

*) Примѣры указаны, между прочимъ, и по II т. «Матеріаловъ для истор. упр. уездн. крѣпостн. состоянія» и пр., кромѣ того иппуцій это самъ былъ свидѣтелемъ опыта весьма серьезнаго пользованія депутатскимъ правомъ въ одномъ депутатскомъ собраніи на югѣ Россіи еще въ 1856 г.

чѣмъ земское устройство 1864 г.) Наконецъ, какъ это было уже указано недавно въ нашей газетѣ, новыя земскія, всесословныя, собранія не получили, по закону, даже такого права ходатайства передъ верховной властью, какое имѣютъ дворянскія собранія. А между тѣмъ учрежденіе всесословныхъ земскихъ собраній непременно отнимало авторитетъ у сословныхъ дворянскихъ собраній. Сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ петербургскіе самодержцы усадили оба сорта собраній въ заколдованный кругъ: когда дворяне, — лучшіе изъ которыхъ въ адресахъ и рѣчахъ 1858—1860 г. высказывались за слитіе дворянства съ остальными сословіями, — поднимали какой либо общій вопросъ, то правительство могло отвѣтить имъ (какъ оно и отвѣтило на петицію конституціоннаго характера, поданную московскимъ дворянскимъ собраніемъ), что молъ вы говорите за всѣ сословія, на что не имѣете права; — земскимъ же собраніямъ правительство отвѣчало, даже на болѣе скромныя петиціи, что молъ вы выходите изъ круга мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, единственно вамъ предоставленнаго.

Всѣ эти и другіе заколдованные круги, которыми бюрократія обставила созданное въ 1864 году земское представительство, — между прочимъ и тѣ, которые разбираются въ печатаемыхъ у насъ статьяхъ г. З. С., — развитые люди въ дворянствѣ и земствѣ понимали еще въ 60-ые годы. Но они сдѣлали капитальную ошибку тѣмъ, что громко не указали на нихъ въ собраніяхъ, и дворянскихъ, и земскихъ, и не продолжали агитаціи, начатой въ дворянскихъ собраніяхъ 1858—60 гг. И это случилось, какъ мы думаемъ, не только по всероссійской пассивности, не только потому, что введеніе земской реформы совпало съ оскудѣніемъ дворянства и съ отливомъ значительной части его изъ деревень и провинцій вообще, но и отъ неправильныхъ расчетовъ. Послѣ введенія земскихъ учреждений, лучшіе люди изъ дворянъ махнули рукою на дворянскія собранія, какъ отжившія учрежденія, — первые же земцы, въ среду которыхъ стали эти лучшіе люди, находили непрактичнымъ поднимать, такъ сказать, „ревизионистскую“ агитацію, — вопросъ о правахъ земскихъ

мецкіе русскіе» (Колоколов №№ 53, 54, 56—57).
одна изъ статей, въ которыхъ вылилось оригиналь-
ное руссофильство Г.—на—соціалстическаго отга-
ка. Тутъ требовались, какъ «основы будущаго Ру-
си»: 1) право каждаго на землю, 2) общинное ве-
дѣніе ея, 3) міровое управленіе, — элементъ, вѣ-
домымъ русскимъ крестьянскимъ міромъ, «замѣняе-
мымъ стародавнімъ, но теперь приходящимъ въ соотвѣ-
стствіе съ западнымъ стремленіемъ» (М. Д.
мическаго переворота). М. Д.

что толку въ наукѣ, которая обезобразила общественныя отношенія? Но давно ли стала Европа записываться социальными вопросами? За то другіе вопросы — личные, напиримѣрь, не она ли подняла и разработала? А вѣдь безъ отвѣта на вопросъ личный не было бы вопроса общественнаго! Вѣдь вся задача въ томъ, что бы согласить теперь отвѣты на оба вопроса. На долю русскихъ выпалъ второй и тутъ нельзя не согласиться съ неотразимыми доводами Вашими. Опять спѣшу и чувствую, что говорю нескладно. Если теперь Строгонова *) не приметъ Колоколъ, то вѣроятно онъ несокрушимъ.

Преданный Вамъ всѣмъ сердцемъ
С. Громска.

Н. В. О закрытіи для Колокола одесскаго порта, не беспокойтесь: ничего не сдѣлають. Впрочемъ, посятся слухи, что собираются сдѣлать набѣгъ на... Это впрочемъ пустяки — на провозъ Колокола у насъ не сердятся, другое дѣло — за перенеску съ Колоколомъ. Н. Н. сильно прижали было по подозрѣнію за доставленіе Вамъ свѣдѣній; губерніи. предводит. Касиновъ обѣщать публично дойти до него; Строгоновъ тоже началъ было насѣдять, но я успѣлъ кое-какъ смягчить первые перуны; теперь обвиненіе ходитъ уже около меня самого; я успѣлъ ихъ отвести на первый разъ довольно удачно.

18-е Апрѣля 1861 г. С.-Петербургъ.

Не знаю, насколько вѣрныя нуть, которыми посылаю это письмо, но теперь это послѣдній вопросъ; дѣло въ томъ, что я не могу не сообщить Вамъ, какимъ бы то ни было путемъ, тѣхъ печальныхъ извѣстій, которыя жгутъ меня невыразимою болью. Не знаю, съ чего начать? Варшавскія дѣла Вамъ извѣстны. Займемся дѣлами внутренними.

[Вамъ извѣстно, что государь разослалъ по всѣмъ губерніямъ своихъ флигель и генералъ-адъютантовъ для произведенія безпорядковъ между народомъ, по поводу новыхъ крестьянскихъ положеній: адъютанты въ точности исполнили приказаніе своего повелителя. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только дѣйствуютъ наиболѣе тупоумные изъ этихъ адъютантовъ, дѣйствуютъ розги, дѣйствуетъ войско и льется кровь. Я напѣрное знаю, что третьяго дни посланы три новые генералъ-адъютанта (въ добавокъ къ дѣйствующимъ) въ губерніи Казанскую, Тамбовскую и еще, кажется, въ Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочіемъ вѣшать и разстрѣливать по усмотрѣнію. Въ Казани явился самозванецъ (въ Спасскомъ уѣздѣ), выдающій себя за Александра Николаевича, гонимаго дворянина. 17 деревень окопались и сражаются съ войсками подъ знаменемъ этого господина. Кто онъ, — не извѣстно. Но схвачены были упорные: 70 человѣкъ крестьянъ уже легли жертвою, нѣтъ войска взяты въ плѣнъ крестьянами ротный командиръ, исправникъ и еще нѣсколько мелкихъ чиновъ. Какъ ни похоже все это на сказку, но это — истина, которая не сегодня-завтра появится въ газетахъ. Туда поскакалъ уже Яфимовичъ, спецiалистъ по части усмиренья... Въ одномъ мѣстѣ, не знаю только въ Казанской или Тамбовской губерніи, среди толпы, въ

которую стрѣляли, стоялъ крестьянинъ, держа обѣими руками, надъ головою, манифестъ, — и такъ до конца остался невредимымъ, хотя подлѣ него валялись кучи тѣлъ] *).

Ну-съ, что же мнѣ теперь начать? Куда ни повернешься, — вездѣ хорошо. Пироговъ уволенъ по телеграфу, вслѣдствіе доноса князя Васильчикова кievскаго, въ его годовомъ отчетѣ государю, что Пироговъ завелъ какой то самосудъ между гимназистами и ограничилъ права директоровъ въ наказаніи учениковъ (резолуція государя: ни съ чѣмъ несообразно и доказываетъ всю неосновательность попечителя!). Впрочемъ, эту резолюцію и текстъ посылаю въ литографированной копiи, которыя разосланы по высочайшему повелѣнію всѣмъ губернаторамъ въ назиданіе — какъ слѣдуетъ писать отчеты **). — Дѣло въ томъ, что Пироговъ, отъявленный демократъ, не сошелся съ княгиней Катериною Васильевою (?) Васильчиковою, урожденною кн. Щербатовой, которая управляетъ кievскимъ краемъ вмѣсто мужа.

*) Слова взятыя нами въ [], были напечатаны въ «Колоколѣ», № 98—99 съ измѣненіемъ послѣдней фразы такъ: «въ народѣ разнесся слухъ, что онъ» и т. д. Между прочимъ здѣсь сообщаются не совсѣмъ точныя свѣдѣнія о бунтѣ крестьянъ въ с. Безднѣ съ А. Петровымъ во главѣ. Мы помѣщаемъ и эту часть письма, между прочимъ, чтобы показать, какъ мало основательны упреки, въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлалъ Герцену, напир., Ю. Самаринъ за неточныя представленія о событіяхъ въ Россіи, въ томъ числѣ и о дѣлѣ А. Петрова. Оказывается, что Громска, вращавшійся въ обществѣ Шуваловыхъ, зналъ объ этомъ дѣлѣ сказки. Печатаю то, что доходило до него, «Колоколъ» все же служилъ дѣлу гласности, какъ могъ. Лучше ли ей служили и служатъ строгіе судьи «Колокола»? Пусть имъ подскажетъ ихъ совѣсть. Сами же они говорили, что ихъ «Денъ» подвергается «цензурному холоденію». Почему же они не завели себѣ своего «мужественнаго» органа, который бы перещеголялъ Колоколъ между прочимъ и точностью свѣдѣній? Впрочемъ относительно, напир., дѣла А. Петрова и московскіе дѣтели не имѣли представленій болѣе точныхъ, чѣмъ Герценъ. Такъ Самаринъ пресерьезно видѣтъ и въ немъ — польскую интригу, какъ и пожарахъ 1863 г. А между тѣмъ, кромѣ всего прочаго, мы положительно знаемъ отъ казанцевъ, судившихся за политическое дѣло 1862—63 гг., что бунтъ А. Петрова 1861 г. былъ вполнѣ самопроизвольнъ и что сами казанскіе революционеры организовались главнымъ образомъ подъ влияніемъ этого бунта и тоже совершенно независимо не только отъ польскихъ, но и другихъ возбудителей (въ родѣ, напир., «Земли и Воли»). Что до пожаровъ, — то извѣстно, во что обратился мнѣ о «Тульчинской поджигательной агентцiи Герцена и поляковъ», послѣ того какъ агентъ Кельсievъ оказался — сотрудиникомъ г. Каткова — Иваномъ-Желудковымъ! А между тѣмъ Самаринъ, поддерживая, какъ и Катковъ, мнѣ о «польской интригѣ», — обратившей себѣ на службу русскій революціонизмъ и либерализмъ, — не только служили отъ себя «людямъ, не терявшимъ надежды сбить правительство на старую дорогу и повторить Арачеевскую реакцію» (Русь, I, 39), — т. е. грѣшили тѣмъ, въ чемъ Самаринъ упрекалъ Герцена и революціонеровъ, — но сами дѣлали часть этой реакціи.

М. Д.

**) Замѣтимъ, что Пироговъ два раза подавалъ Александру II записки о своей школьной системѣ и оба раза получалъ одобреніе самодержца. См. объ этомъ въ брошюрѣ «Прощаніе Кіева съ Н. И. П.» — показанія тайн. сов. М. Юзефовича, нѣкогда предателя Костомарова и правой руки ген. Бибикова, потомъ либерала и обожателя Пирогова, а за тѣмъ опять донощика и бича либерализма, противъ котораго онъ еще недавно паздалъ глупую брошюру, расхваленную въ «М. Вѣд.», и всегда другомъ оск. славянофиловъ. — Копія, о которой говоритъ Г.—нъ, напечатана въ 100 № «Колокола».

М. Д.

Тимашевъ (слушайте!) послѣ неоднократныхъ попытокъ уничтожить III отдѣленіе или доказать необходимость его уничтоженія, подалъ въ отставку, увѣдомивъ кн. Долгорукова *), что не можетъ далѣе оставаться въ учрежденіи, которое съ окончаніемъ крестьянскаго вопроса становится безмысленнымъ. (Передаю со словъ людей, выдающихъ все это за чистую правду). Государь очень немщлостиво отнесся къ этому поступку Тимашева и велѣлъ его уволить въ безсрочный отпускъ, а на его мѣсто назначилъ графа Шувалова. — Это назначеніе было для Шувалова неожиданнымъ ударомъ; онъ привыкъ беречь доброе имя, вынесенное имъ изъ весьма скользкаго мѣста Петербур. Оберъ-полиціймейстера; съ другой стороны, страшно было Колокола и его безпопачныхъ стрѣлъ, съ третьей стороны — невозможно было и отказаться, по правиламъ придворной логики (Шуваловъ воспитывался во дворѣ и состоитъ въ немъ домашнимъ человѣкомъ, хотя это не мѣшало ему быть до сихъ поръ порядочнымъ человѣкомъ). Все это заставило его написать письмо къ Долгорукову и просить объяснить государю причины, почему онъ гнушается III отдѣленіемъ. Прежде чѣмъ я приведу Вамъ отрывки изъ этого письма, долженъ сказать, что ни государь, ни Долгоруковъ до сихъ поръ не понимали (бѣдныя!), что собственно нехорошаго въ III отдѣленіи, и простоудшно вѣрили, что нерасположеніе это почерпнуто изъ Колокола и другихъ революціонныхъ изданій. Чтобы разсѣять эти заблужденія — съ одной стороны, а съ другой, чтобы не рисковать самому быть зачисленнымъ въ красные, Шуваловъ оставилъ неприкосновенною тайную полицію, а старался въ письмѣ своемъ разбить «тайный судъ, находящійся въ рукахъ тайной полиціи». Вотъ отрывки изъ этого письма:

«Всякая полиція, въ сущности, тайная и не она страшна для честныхъ людей, — страшнѣе тайный судъ, право слѣдствія и право ареста, находящіеся въ рукахъ тайной полиціи. Люди, обязанные охранять снокоиствiе государства, всегда склонны видѣть во всемъ опасность и преувеличивать значеніе каждаго факта. Такова уже человѣческая натура; и если подобная склонность ничѣмъ не будетъ умѣряема и отрезвляема, если люди, обязанные подозрѣвать всѣхъ и каждаго, не только не обязаны подкрѣплять свои подозрѣнія судебными доказательствами, но напротивъ имѣють право при первомъ подозрѣніи подвергнуть каждаго аресту, то весьма естественно, что они легче другихъ людей могутъ впадать въ ошибки и несправедливость. Если же отъ этихъ самыхъ людей будутъ зависѣть допросы подозреваемыхъ и представленіе заключеній по допросамъ, то уже нѣтъ никакой надежды къ исправленію ихъ ошибокъ и увлеченій, и для цевинно заключеннаго исчезаетъ всякая возможность правильной защиты. Вотъ почему при имени III отд. вслкій чувствуетъ невольный трепетъ и смущеніе...

...«Страшно въ немъ не то, что оно дѣлается, а то, что оно можетъ сдѣлать. А можетъ оно во всякую минуту вторгнуться

*) Кн. Д.—овъ былъ тогда шефомъ жандармовъ, а Тимашевъ начальникомъ его штаба. М. Д.

*) Одесскій ген.-губернаторъ. М. Д.

въ каждый домъ и семейство, схватить отсюда какую угодно жертву и заключить въ казематъ, извлечь изъ этой жертвы, какое угодно, признаніе, не прибѣгая къ пыткамъ, и потомъ можетъ представить государю все дѣло въ такомъ видѣ, въ какомъ пожелаетъ...

«Ваше С—ство! Такое точно учрежденіе, но только подъ другими названіями, оставило по себѣ страшныя воспоминанія въ исторіи католическаго запада и у насъ во время Бирона. Это же самое учрежденіе недавно оттолкнуло неаполитанцевъ отъ любви къ своему законному государю. Оно же прославилось во времена кроткой и мудрой Екатерины II именемъ Шенковского. Вотъ почему Александръ Благословенный тотчасъ по вступленіи на престолъ издалъ манифестъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи и о преданіи самой памяти ея вѣчному забвенію.

«Въ прошедшемъ году Государь повелѣлъ отдѣлить судебную власть отъ земскихъ и градскихъ полицій. Если эта власть оказалась вредною въ рукахъ обыкновенной полиціи, то оставлять ее долѣе въ рукахъ тайной полиціи было бы совершенно несправедливо, особенно теперь, когда крестьянскій вопросъ рѣшенъ.

«Я колеблюсь вступить въ III отдѣленіе, не потому только, что желалъ бы сберечь собственное мое имя отъ неминуемыхъ клеветъ и оскорбленій; мнѣ дорога слава имени моего Государя, за каждымъ шагомъ котораго исторія слѣдитъ теперь съ любовью. И потому, я счелъ бы себя преступнымъ, если бы скрылся отъ него, прежде чѣмъ вступить въ III отдѣленіе, ту тѣнь, которая неотступно слѣдуетъ за этимъ учрежденіемъ и которая такъ хорошо знакома всему человѣчеству, изъ исторіи такихъ же учреждений въ другихъ государствахъ, что съ моей стороны было бы крайнимъ заблужденіемъ надѣяться закрыть эту тѣнь моею личностью или смыть ее моими дѣйствіями»...

Въ заключеніе Шуваловъ предложилъ: 1) отдѣлить отъ тайной полиціи судебную власть и право производства слѣдствій и передать ихъ въ руки обыкновенныхъ судовъ и судебныхъ слѣдователей. 2) Всѣ полиціи соединить въ одно управленіе, подвѣдомственное министру внутреннихъ дѣлъ. (Этимъ косвенно онъ хотѣлъ уничтожить и тайную полицію, не нападая на нее открыто).

Письмо это было прочтено государемъ и... воспослѣдовало слѣдующее восклицаніе: «кто же мнѣ будетъ сообщать о революціонномъ направленіи, повсюду теперь распространяющемся, направленіи—которому поддавалось само министерство внутреннихъ дѣлъ?»...

Я сообщаю Вамъ эти факты собственно для того, чтобы Вы поняли Шувалова, который, быть можетъ, со временемъ и успѣетъ еще сдѣлать что нибудь доброе. Печатать же эти факты остерегитесь, потому что этимъ выдадите меня,—единственного человѣка, кому они могли быть извѣстны. Я увѣренъ, что Вы не приминете этой просьбы моей личной трусости. Я бы сейчасъ ухалъ вонъ отсюда, если бы не семеро дѣтей.

Мѣсяцъ тому назадъ Шуваловъ затащилъ меня въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Я согласился тѣмъ болѣе, что крестьянскій вопросъ окончился съ честью для правительства и потому наконецъ, что это единствен-

ное министерство, гдѣ можно было сдѣлать что нибудь. Теперь вообразите мое отчаяніе: Шуваловъ попалъ въ Тимашевы, Милютинъ попалъ опять въ немилости; Ланской на дняхъ будетъ уволенъ съ графскимъ достоинствомъ, а на его мѣсто сядетъ Муравьевъ въ-на-я-щ-й!!!

На святую готовится кромѣ того какой то громовой ударъ. Александръ Николаевичъ—разсвирѣпѣлъ по поводу польскихъ и казанскихъ дѣлъ и хочетъ ужаснуть чѣмъ то всю публику и весь міръ. Это настроеніе извѣстно мнѣ изъ вѣрныхъ источниковъ и оно разрѣшилось на второй день пасхи. Вообще такой сильной реакціи никогда еще не было. Воздухъ становится красенъ. Тяжкій отчетъ дадутъ наши аристократы, снова завладѣніе умомъ и волею своего барина. Жму Вашу благородную руку, — на нее только и надежда. Получили ли Вы мои портреты, переданные чрезъ Z. Z. Жду въ отплату вашихъ. Будьте здоровы и благополучны. Слыхалъ про обѣдъ Вашихъ*) и соединеніе съ поляками. Повторяю, нѣтъ у насъ другой надежды кромѣ Васъ. Если путь, которымъ посылаю это письмо, окажется благополучнымъ, то постараюсь пользоваться имъ постоянно. Еще разъ прошу Васъ, дорогой Александръ Ивановичъ, поберегите до времени Шувалова, пока онъ подаетъ надежды, но когда онъ измѣнитъ этимъ надеждамъ, что очень возможно со стороны придворныхъ людей, я первый возстану противъ него. Теперь же я еще надѣюсь на него, потому что онъ боится и уважаетъ общественное мнѣніе, т. е. Васъ. Я только потому и заступаюсь за него, что онъ самымъ искреннимъ образомъ возставалъ до сихъ поръ противъ Тимашевской цензуры.

Весь вашъ С. Громека.

11-е Мая 1861 г. С.-Петербургъ.

Сейчасъ я читалъ, перечитывалъ и опять читалъ Вашего «Роберта Оуэна» — и глаза мои до сихъ поръ полны слезъ восхищенія и гордости, что такая статья написана по русски.

Отрадно было вздохнуть на Вашей статьѣ. Утѣшительно думать, что у насъ въ Лондонѣ свой король есть. И когда бы Вы знали, какъ боялся этого короля наши цари и царьки! Еще недавно Александръ Николаевичъ, получивъ Колокола въ присутствіи гр. Шувалова, сказалъ ему со вздохомъ: «вотъ что болѣе всего вредитъ намъ!» Еще бы! И этотъ человѣкъ, съ гордостью и упрямствомъ разрывающій и приказывающій убійства, вздыхаетъ отъ Колокола!

Съ прошлою почтою я передалъ Вамъ чрезъ другихъ (самому писать было некогда) о подвигахъ коломненскаго предводителя Скорнякова. Вы знаете также о бойнѣ, произведенной Апракенинымъ въ Казанской губерніи, но вы еще не знаете, до какого благодѣянія дошелъ нашъ Александръ II. Извѣстія, которыя онъ получалъ отовсюду о дѣйствіяхъ своихъ адъютантовъ, были таковы, что самые близкіе къ нему люди увѣрены были, что Апракенину не сдобровать. А онъ—ангелъ!—повѣсилъ Апракенину Владиміра на шею, вмѣсто того чтобы его самого по-

вѣсить. Сотрудника же Апраксина—Спаскаго предводителя Молостова пожаловалъ двумя наградами: орденомъ и чинломъ (не смотря даже на то, что онъ въ отставкѣ; нарушеніе военныхъ приличій неслыханное!)

Недуренъ также слѣдующій поступокъ его: Вы вѣроятно слышали, что я, стѣсненный голодомъ, вынужденъ былъ поступить на службу и поступилъ (послѣ крестьянск. реформы) въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Первая бумага, которую мнѣ довелось составлять къ докладу царю, была по слѣдующему поводу: Виленск. генер. губерніи. Назимовъ жаловался на предводителей дворянства: виленск. графа Тинкевича и бѣлостокскаго—Саковича,—что они ведутъ себя неприлично въ политическомъ отношеніи: Тинкевичъ заказывать обѣды на 1500 человѣкъ простоямъ и новъ къ свѣтлому празднику, а жена его—принимала участіе въ подпискѣ въ пользу семейъ убитыхъ въ Варшавѣ. За это Назимовъ выслалъ графа и его жену въ деревню подъ полицейскій надзоръ и просилъ, чтобы его удалить отъ службы (а также Саковича, который присутствовалъ при напихивѣ въ память варшавскихъ убитыхъ).

Докладъ составленъ былъ мною въ слѣдующемъ видѣ: «такъ-то Назимовъ поступилъ, такъ-то и проситъ о томъ-то. Представляю о семъ, министръ считаетъ долгомъ доложить, что, по закону, предводители увольняются не иначе, какъ по суду и съ разрѣшенія сената». Докладъ былъ возвращенъ ко мнѣ съ слѣдующею отмычкой министра Ланскаго (это былъ послѣдній его докладъ): «государь приказалъ исполнить согласно ходатайству Назимова—т. е. уволить противъ закона».

Мною получены свѣдѣнія изъ губерній,—гдѣ производился кровопролитіи,—что тамъ крестьяне собираются перебить бояръ и начальныхъ людей. Sic!

Кстати о Шуваловѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ перешелъ въ III отдѣленіе, я его не видалъ и ничего не знаю, что онъ намѣренъ дѣлать. Очень можетъ быть, что теперь и вправду не время уговаривать Саму объ уничтоженіи тайной полиціи, а можетъ быть Шуваловъ уже и примирился съ своимъ положеніемъ и таинственною властью, что я ему предсказывалъ. Но когда онъ шелъ туда, онъ очень искренно боялся Колокола и отъ чистаго сердца благодарилъ меня за письмо, изъ котораго отрывки я уже сообщалъ Вамъ*). Правда, у него не хватило духу адресовать это письмо прямо государю, какъ это было условлено сначала (онъ адресовалъ его къ кн. Долгорукову, который однако прочиталъ его государю), но кто же отъ этихъ господъ станеть требовать гражданского мужества? Убить и разстрѣлять 200 крестьянъ у нихъ всегда достаетъ духу, а сказать правду въ глаза человѣку... (Но нецъ письма утерять).

*) Изъ этихъ словъ можно вывести, что въ самомъ Д—ому было сочинено по просьбѣ пераго III—ва Д—ому было сочинено по просьбѣ пераго самимъ Громекою, и сообщено было Гершману съ согласіемъ самаго III—ва. Въ «Колоколѣ» (№ 92—93) извѣстіе о замѣнѣ Тимашева III—вымъ сопровождалось слѣдующими строками: «Если III—въ имѣлъ своимъ именемъ, то принявъ, какъ говорится, à contre sens, мѣсто (непростительная слабость!) пусть же онъ сдѣлаетъ его ненужнымъ». М. Д.

*) По поводу эмансипаціи крестьянъ. М. Д.

20-е Мая 1861 г. С.-Петербургъ.

Изнывая подъ тяжестью кровавыхъ извѣстій и разрушенныхъ надеждъ, я перечитываю Вашу книгу «За пять лѣтъ», и она подкрѣпляетъ мои силы. Года два тому назадъ я еще не такъ понималъ Васъ какъ слѣдуетъ и слова Ваши не такъ глубоко ложились на сердце какъ теперь. Уроженецъ Малороссіи, я мало интересовался общиннымъ вопросомъ и крѣпко стоялъ за личность, хотя чувствовалъ, что на Вашей сторонѣ сила правды. Но въ теченіи послѣдняго года я пережилъ переломъ и отошелъ отъ «Русскаго Вѣстника», хотя очень любилъ Каткова какъ человѣка. Не могъ я пристать къ «Современнику», потому что не нахожу ничего симпатическаго въ немъ и даже, — признаюсь откровенно, — онъ меня отталкиваетъ своимъ безотраднымъ невѣріемъ въ людей, своимъ отсутствіемъ любви и эгоизмомъ. Я поселился въ «Отеч. Запискахъ», какъ на плоскости, пшчѣмъ незащитой и пустынной. Вроде, и тутъ я, по всей вѣроятности, временный гость, потому что никогда не проспиралъ претензій на званіе писателя и писателю къ нему не приготовленъ. Всю жизнь я былъ человѣкомъ дѣла и схватился за слово только тогда, когда казалось возможнымъ высказать его. Теперь и эта возможность исчезла. Теперь пора бы приняться за дѣло, но какъ, съ кѣмъ, за какое дѣло *)? Гдѣ тѣ проснувшіяся силы, гдѣ та дикая дерзость замысловъ и надеждъ, о которыхъ вы говорили въ пятомъ письмѣ (Россія и Польша)? Вотъ мы подошли къ берегу: крестьянскій вопросъ рѣшенъ — и христіанское воинство стрѣляетъ и сѣчетъ крестьянъ точно такъ, какъ стрѣляло и сѣкло при Николаѣ. Весь берегъ залитъ кровью, слезами, разрушенными надеждами, а мы молчимъ или занимаемся сплетнями и скандалчиками. Немного только нажала правительственная рука, — и мы прилемились и разошлись въ разныя стороны, какъ будто такъ много сдѣлали, что пора на отдыхъ....

Я читалъ Ваше доброе писицецо къ Андрею Н**, въ которомъ Вы не одобряете нашихъ замысловъ перебраться къ Вамъ. Боже мой, — сколько у Васъ любви къ людямъ! Откуда Вы берете ее, какъ стать Васъ на все и для всѣхъ? А посмотрите, что у насъ дѣлается: кружки, сплетни, вражда другъ къ другу, какъ будто вся литература изъ инноплеменниковъ, какъ будто ей нечего любить собища, не съ кѣмъ бороться соединенными силами!

Я часто повторялъ Вамъ въ письмахъ моихъ, что у насъ одна только надежда — на Васъ. Это не фраза. Если бы Вы были среди насъ, — Вы были бы русскимъ Гарибальди, а теперь намъ остается читать Ваше Евангеліе и ждать, пока Вы разпелелите насъ. Миѣ кажется, что Вы ужъ много занимаетесь правительствомъ и черезъ чуръ мало — нами. Намъ нужно подгонять; — мы привыкли къ этому. А на правительство надежды нѣтъ никакой: оно окончательно свихнуло съ ума.

Ужасъ обнимаетъ меня, когда подумаю, что мы такъ еще слабы и разрознены, такъ далеко отъ энергической оппозиціи, что еще два, три пажатія, — и мы опять утѣшимся и опять по-

*) Дѣла, пожалуй, много, но съ завязаннымъ ртомъ и связанными руками — плохо какъ то дѣлается.

грузимся въ мелкія сплетни и словопрени. А Вы, стоя далеко, полны такихъ надеждъ, такой силы, такой всеобъемлющей любви и ненависти! Скажите: гдѣ же у насъ хоть капля такой силы? Чернышевскій, который нѣсколько времени тому назадъ (а для многихъ и теперь) считался апостоломъ среди молодежи, — онъ, человѣкъ несомнѣнной честности, — что онъ сдѣлалъ, чтобы вдохновить молодежь? Онъ проповѣдуетъ открыто, что всѣ люди мошенники и эгоисты; онъ говоритъ, что самъ себя не вѣрять и никому не совѣтуетъ довѣрять ему денегъ: — какое единство, какую силу можетъ вдохнуть такое ученіе? Катковъ — человѣкъ благородный, талантливый и горячій, но — несправивимъ въ своемъ западниствѣ. Костомаровъ — могъ бы быть центромъ для насъ, но — предается наукѣ, одной наукѣ. Кавелинъ совсѣмъ отбился, да и понесъ ужасную потерю, послѣ которой не скоро оправится. Гдѣ же собираться, гдѣ отвести думу; гдѣ подкрѣпить силы и надежды? Одна надежда на Васъ, — на Вашу неистощимую энергію, на Ваши неслабѣющіе громы, на вашу вѣчно свѣжую любовь и вѣру въ Россію.

Простите миѣ эти новыя изліянія. Миѣ такъ тяжело въ моемъ одиночествѣ, въ моемъ безспіи, въ моей тяжелой обстановкѣ: съ одной стороны, семеро дѣтей и жена въ нуждѣ, съ другой — подлая необходимость ходить ежедневно въ департаментъ и писать глупѣйшія бумаги, съ третьей — кровь и слезы, съ четвертой — литературныя дразни... Такъ бы и кинулся въ первый омутъ, въ первый водоворотъ.

Посудите сами: Щаповъ, казанскій профессоръ, сказалъ студентамъ горячее слово и требовалъ панихиды по убиеннымъ мученикамъ Спасскаго уѣзда. Его велѣли схватить (и какъ подло схватили: усадили въ командировку и захватили на первой станціи — боялись везти въ Казань) (Конечъ письма затеряно *).

НАЧАЛО НОВАГО СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ВЕНГРИИ.

Венгрія считалась классической страной свободы и самоуправленія на континентѣ Ев-

*) Письмо это интересно, какъ отголосокъ того безотраднаго настроенія р. общества въ самый моментъ эмансипаціи крестьянъ, которое составляетъ такой контрастъ съ одушевленіемъ, съ какимъ встрѣчена была вѣсть о началѣ этой реформы. Мы встрѣтились еще съ отголосками этого настроенія въ письмахъ другихъ лицъ, изъ коихъ одно (И. С. Аксаковъ) выразился, что въ реформѣ 19 февраля 1861 г. повѣлялъ, конечно, «свѣжій воздухъ», но фильтрованный сквозь такіа вонючія тѣла, что его и признать трудно! На сколько тутъ было вины (вольной или невольной) самого царя-освободителя. — объ этомъ и говорить лишнее. Но въ письмѣ Громыки интересна еще одна черта русскаго общества (мы были бы рады, если бы могли съ спокойной совѣстью прибавить: — тогдашняго), это жажда начальства, царя, — частнаго, если не коронованнаго. Бѣдные современники Громыки въ 1861 г. не знали, кого бы выбрать себѣ въ «центры». Не много спустя центры нашлись: для однихъ г. Катковъ, который закончилъ свою эволюцію изъ западника-англмана въ московскаго будочника, для другихъ — Писаревъ, — и интересно, что оба лагеря выбрали себѣ вождей съ самыми простыми и девизами, но съ самыми рѣшительными манерами. Все не только рефлектирующее, но и все сложное (какъ все дѣйствительно культурное) оказалось не въ авантажъ. Параллельно этому и изъ заграничныхъ авторитетовъ упалъ Герценъ и возвысился Бакунинъ. М. Д.

ропы. Ея Magna Charta, состоявшаяся только 7 лѣтъ спустя послѣ англійской, заключала уже въ себѣ право неповиновенія незаконнымъ требованіямъ власти, право возстанія, отказаться отъ котораго не могло принудить венгерцевъ никакое давленіе обстоятельствъ, никакія утѣшенія сильнѣйшаго. Рядомъ съ пользованіемъ политической свободой и правомъ возстанія за ея сохраненіе, въ Венгріи всегда процвѣтала и теорія политики, образованіе цѣнилось по преимуществу въ примѣненіи къ политической жизни, едва ли не единственной сторонѣ жизни венгерскаго народа, въ которой проявилось его самостоятельное творчество.

Если, поэтому, Венгрія, именно господствующая въ ней мадьярская народность, заслуживаетъ названія политической націи *par excellence* за все время своей исторіи, то еще болѣе это справедливо относительно XIX вѣка. Одни политическія сочпненія, переведенныя съ венгерскаго или писанныя венгерцами на иностранныхъ языкахъ, составляютъ значительную литературу, полную оригинальныхъ мыслей и которою нерѣдко пользовались первые изъ западно-европейскихъ ученыхъ. «О чемъ другомъ» — говорилъ пишущему эти строки покойный Блунчи — «не стоитъ и случать венгерцевъ, но въ политикѣ они компетентѣе всѣхъ континентальныхъ европейцевъ, и миѣнія ихъ тѣмъ интереснѣе, что, исходя изъ положенія своего отечества, они доработываются однако до общихъ выводовъ, которыми могутъ пользоваться и другіе народы».

Съ 1867 года, т. е. съ поступленіемъ королевства Св. Стефана въ полное распоряженіе мадьяръ, въ Венгріи, казалось, наступилъ золотой вѣкъ политической свободы и конституціоннаго правленія. Королевская власть ограничивается обереганіемъ страны съизвѣстъ и также мало, какъ въ Англіи, вмѣшивается въ внутреннюю политику; аристократія, лишенная матеріальной основы вліянія англійской аристократіи, не ищетъ преобладанія, а только старается оправдать свое высокое соціальное положеніе патріотической дѣятельностью; правительство, правильно выходящее изъ большинства народныхъ представителей, серьезно заботится объ успленіи производства страны и поднятій народнаго образованія: статистическія данныя свидѣтельствуютъ о необыкновенно быстромъ развитіи литературной и умственной культуры; наконецъ, свобода печати, сходовъ, сообществъ, для какихъ бы то ни было цѣлей, шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было на нашемъ континентѣ, и встрѣчаетъ границы только въ соображеніяхъ о безопасности венгерской націи или государства.

Оборотной стороной медали считалось до сихъ поръ одно смѣшеніе венгерскаго государства съ мадьярской расой и требованіе отъ не-мадьяръ отреченія отъ ихъ особой народности, какъ условія пользованія правами венгерскихъ гражданъ. Но эта сторона, во первыхъ, вовсе не замѣчалась западно-европейцами *) или признавалась ими необходимо сопряженною съ устройствомъ прочнаго конституціоннаго и культурнаго государства; во вторыхъ же, съ нею въ разное время при-

*) Замѣчалась такъ: см. Léger, Hist. de l'Autriche и др. (Ред.)